
ЛАР
Пепел Союзников
КНИГА 2

Антон Елисеев

Пепел союзников

«Автор»
2026

Елисеев А.

Пепел союзников / А. Елисеев — «Автор», 2026

После войны доверие между людьми и разумными драконами держится на обещаниях, которые слишком легко нарушить. В горном Ларе вспыхивает общий рынок, и чья-то тщательно подготовленная ложь превращает пожар в повод искать врага среди соседей.Инженер Мира Таль и Кай Рен пытаются восстановить ход событий, пока город раскалывается на два лагеря. Серебряная драконица Аранта не желает, чтобы судьбу свободных драконов снова решали чужие приказы. Но следы провокации ведут к оружию, способному уничтожить остатки союза.Мире и Каю предстоит не только разоблачить обман, но и проверить собственное доверие. Когда страх становится политикой, самый трудный выбор — остаться на стороне тех, кого уже объявили врагами.

© Елисеев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I — ПЕПЕЛ НА ЛАДОНЯХ 5
ГЛАВА 01 — Расписка о погибшем 5
ГЛАВА 02 — Когти на крыше 13
ГЛАВА 03 — Показание, которого не было 20
ГЛАВА 04 — На двадцать дней 24
ГЛАВА 05 — Синий пепел 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Антон Елисеев
Пепел союзников

ЧАСТЬ I — ПЕПЕЛ НА ЛАДОНЯХ

ГЛАВА 01 — Расписка о погибшем

— Мне не нужно, чтобы вы ещё раз написали, как он погиб, — сказала женщина. — Мне нужно знать, кто заплатит за комнату в следующем месяце.

За спиной у неё стоял мальчик с коротко остриженными волосами. Он разглядывал край стола и осторожно водил ботинком по щели между половицами. Женщина держала пакет из плотной серой бумаги, перевязанный верёвкой, и Мира сразу узнала такие пакеты: в них из Кремня возвращали вещи тех, кто не вышел из нижних ворот.

В помещении бывшей мельницы пахло горячей мукой, потной шерстью и влажными дровами. За одной перегородкой раздавали хлеб переселенцам, за другой проверяли списки семей, прибывших с востока. Стол для заявлений стоял между двумя дверями, и всякий, кто останавливался здесь, мешал кому-нибудь пройти. Служащая напротив женщины уже третий раз поправляла стопку бланков, хотя те лежали совершенно ровно.

— По ведомству погибших компенсация ещё не назначена, — сказала служащая. — На ваше имя поступило подтверждение передачи личных вещей.

— Вот оно.

Женщина положила пакет на стол. Сверху лежала сложенная вчетверо расписка с подписью Эллис Карн. Мира увидела знакомый почерк и подошла ближе.

— Вы Майла Нар?

— А вы знаете моего мужа?

— Знала о нём от Эллис. Я была на дороге, когда его не стало.

Майла подняла голову. У неё были усталые, сухие глаза человека, который уже слишком много раз плакал перед чужими людьми и теперь берёг слёзы для дома.

— Значит, вы можете сказать, почему мне надо ещё доказывать, что он там работал.

Мира могла бы объяснить разницу между гражданским обозом и военным подразделением, чьё командование в тот день менялось дважды. Могла бы рассказать о недостающей подписи в акте у нижнего двора Кремня. Вместо этого взяла расписку.

— Эллис записала его имя ещё на месте. Вы позволите снять копию?

— Мне от этого дадут деньги?

— Сама копия ничего не решит. Но её обязаны принять вместе с заявлением, которое вы уже подавали.

— Тогда зачем вы спрашиваете?

Мальчик перестал водить ботинком по щели.

Мира поняла, что опять начала с процедуры, словно время, отнятое у женщины очередью, ничего не стоило. Она положила бумагу обратно.

— Потому что у вас есть документ, которого нет у них. А я не имею права забрать его без вашего согласия.

Майла смотрела ещё несколько секунд, затем кивнула.

— Меня зовут Майла. Это Тиль. Его отец возил груз на Седловину. Потом его позвали к крепости, и он не вернулся.

— Я знаю.

— Тогда напишите именно это. Без слова «предположительно».

Тиль потянул мать за рукав.

— Мам, там хлеб дают.

— Сейчас.

— Там уже последняя корзина с сыром.

— Тиль.

Он отвернулся к окну, делая вид, что обижен. Мира заметила, что правый рукав его куртки короче левого, а на локте пришита заплата из другого сукна. Пакет на столе выглядел тяжелее, чем был на самом деле.

У внешней двери поднялся шум. Люди расступились, пропуская высокого мужчину в тёмно-сером пальто. У него не было ни охраны с выставленными клинками, ни чиновника с объявлением. Двое грузчиков двигались следом с ящиками, на которых крупными белыми буквами было написано: «ОБЩИЙ ДВОР». Мужчина снял перчатки на ходу, выслушал женщину у хлебного стола и распорядился принести ещё корзину.

— Сыр закончился? — спросил он.

— Для выдачи закончился, господин Дальк.

— Тогда выдавайте фасоль. И перестаньте прятать её в кладовой ради завтрашнего списка: этим людям есть хочется сегодня.

По комнате пробежал смешок. Тиль немедленно повернулся обратно.

— А сыр тоже будет?

Мужчина остановился перед ним.

— Если мой кладовщик не украл его по дороге, будет к вечеру. Как тебя зовут?

— Тиль Нар.

Взгляд мужчины переместился на Майлу и пакет.

— Нар, — повторил он. — Обоз с нижней дороги?

— Да, — ответила Майла.

— Мне передавали его имя. Эллис Карн писала о нём.

Мира посмотрела на мужчину внимательнее. Лоран Дальк был известен в Ларе ещё до войны: держал склады, платил за починку дорог и, в отличие от многих богатых подрядчиков, сам ходил по помещениям, где хранилось его зерно. Он запомнил не только имя погибшего. Он вспомнил, что сын Нара простудился во время переселения, и спросил Майлу, нашла ли она врача.

— Врач был, — сказала она. — Жить всё равно негде.

— Где вы сейчас?

— В комнате над свечной лавкой. До конца месяца.

Лоран повернулся к помощнице у хлебного стола.

— Проверьте дом на Тихой улице. Там освободилась комната после переезда семьи каменщика. Если крыша не течёт, поставьте их в первую очередь.

— Но там уже записаны двое...

— Значит, покажите мне оба заявления. Никого не выселяйте по моему слову.

Он сказал это буднично, без взгляда на публику. Майла впервые за разговор ослабила пальцы на верёвке пакета.

— Я могу заплатить за первый месяц, — добавил Лоран. — Из фонда частной помощи. Без подписания отказа от государственной компенсации. Ваше дело должно идти своим путём.

Мира невольно посмотрела на его помощницу: та уже записывала адрес. Такие обещания она слышала много раз. Большинство растворялось, едва благотворитель уходил в другое помещение. Но здесь у помощницы была настоящая книга выдачи, а у дверей — ящики с настоящей едой.

— Вы из комиссии маршрутов? — спросил Лоран, заметив её сумку.

— Мира Таль.

— Ах. Значит, именно вам я должен сказать спасибо за то, что вчера мои повозки не пустили через южные ворота.

— Через южные ворота не проходит нынешний навес. Его переделали после дождей.

— Я знаю. Мы потеряли полдня.

— Зато не потеряли крышу.

Он улыбнулся.

— Я не спорю. Но у меня там была мука для трёхсот человек. Когда вы проверяете ворота, помните, что за ними стоит очередь.

— Именно поэтому нам нужен второй проезд.

— Постройте. Я заплачу за камень, если рада разрешит работу.

Мира не ответила сразу. Он говорил так, словно любой спор заканчивался там, где находились деньги, лошади и человек, готовый подписать счёт. Иногда это действительно спасало положение. И именно поэтому ей не нравилась лёгкость, с которой он решал за остальных.

Она пришла сюда с другой задачей. Гражданская комиссия поручила ей проверить грузовой выход у склада помощи: по жалобе обозников там поменяли направление движения тележек, а у нижней двери скопились бочки. Для официального заключения требовалась подпись второго проверяющего. Мира уже научилась терпеть это ограничение. Сегодня второй проверяющий опаздывал, и выход оставался открытым для разгрузки по старой схеме.

— Мне нужен человек, который покажет мне задний проход, — сказала она.

— Орт! — позвал Лоран.

От боковой двери отделился коренастый мужчина с обветренной шеей. Он носил короткую куртку охраны «Общего двора», но руки его были в мучной пыли, а на сапогах засохла глина.

— Проводите госпожу Таль и покажите оба выхода. Только не задерживайте сегодня разгрузку зерна. Уже два часа стоит очередь.

— Я покажу, — сказал Орт Грей.

В его голосе не было ни почтения, ни вражды. Пока Мира убирала расписку Майлы в папку для копирования, он отвёл в сторону два узких ящика с фирменной тарой. На одном виднелась отметка о возврате пустой посуды. Грузчик поспешно взялся за ручку, но Орт остановил его движением ладони.

— Эти через боковую дверь. Не загромождай главный проход.

— Они же пустые.

— И пустой ящик может сломать человеку ногу, если ты оставишь его под ногами.

Грузчик подчинился. Мира запомнила, что у бокового выхода опять двигали тару без отметки у гражданского приёмщика, но ничего незаконного в этом пока не увидела: частная фирма могла возвращать собственные ящики.

Орт повёл её через узкий коридор к грузовому двору. Там пар поднимался от мокрых лошадиных спин, а грузчики выкрикивали номера партий. У стены сидела пожилая женщина и кормила маленькую девочку горячей похлёбкой из одной миски. На дальнем столе кто-то пришивал бирку к одеялу, чтобы его не приняли за складское имущество.

Мира измерила ширину двери складной линейкой.

— Если вы одновременно пускаете тележки в обе стороны, здесь столкнутся две оси.

— Не пускаем, — ответил Орт. — Один идёт, второй ждёт.

— Кто останавливает встречный?

— Сегодня я.

— А когда вас нет?

— Тогда другой.

— У другого есть имя?

Он посмотрел на неё.

— Вы все одинаково разговариваете? Сначала имя, потом тележка?

— После несчастья спрашивают именно имя.

— После несчастья спрашивают, почему кто-то не остановил тележку. — Орт махнул грузчику. — Пропусти женщину, и не стой под колёсами.

Мира записала размеры и отошла к нижнему двору. Здесь было светлее. Над навесом виднелась бронзовая спина молодого дракона, который по одному поднимал зерновые мешки из повозки к открытому верхнему проёму. Он работал осторожно, сгибая передние лапы так, чтобы не задеть деревянные балки. На его левом крыле темнела старая заплата из грубой ткани.

— Это Арк? — спросила Мира.

— Он самый, — ответил Орт. — Вчера чуть не подрался с людьми у военной конторы. Сказал, что сломает им ворота.

— По какому поводу?

— Про старые заряды. У молодёжи теперь любое железо сразу преступление.

Арк услышал своё имя и повернул голову.

— Я сказал, что сломаю ворота, если узнаю о ещё одном запрещённом заряде за ними! — крикнул он сверху. — Это не одно и то же, Грей.

Орт не обернулся.

— Видите? Сам всё подтверждает.

Арк фыркнул и снова опустил голову к мешкам. За ним мелькнула тень более крупного дракона — тёмно-красного грузчика, который принимал зерно с внутреннего мостка.

— Брин, не клади у стены, — позвал Арк. — Там мокро!

— Я вижу, — отозвался тот из глубины.

Мира посмотрела на открытый проём. Ей нужно было проверить только нижнюю дверь, но она заметила, что через верхнюю часть склада движется воздух: лёгкие полотнища колышутся внутрь. Где-то под крышей работала вытяжка, вероятно, включённая из-за зерновой пыли. Мира сделала пометку попросить у хозяина план вентиляции.

В ту же минуту мальчик в комнате выдачи громко засмеялся. Сквозь открытую дверь Мира увидела Тиля: Лоран Дальк показывал ему, как складывать маленькую бумажную коробку для фасоли, чтобы она не рассыпалась по дороге. Майла стояла рядом с пакетом мужа под мышкой.

Потом воздух изменился.

Сперва Мира решила, что распахнули заслонку печи. От внутреннего проёма потянуло горячим, сухим, как от раскалённого металла. По полу прокатилась пустая деревянная миска. За стеной кто-то крикнул, чтобы закрыли тягу.

Свет вспыхнул ниже крыши, за штабелем ящиков, куда Арк ещё не успел перенести ни одного мешка.

Он был не обычным пламенем. На короткое мгновение всё внутри проёма стало синевато-белым, и Мира увидела отдельные гвозди в чёрном дереве, как если бы кто-то поднёс к ним огромную лампу. Потом ударил звук, от которого у неё перестало слышать левое ухо.

Дверь вылетела наружу.

Орт бросился на Миру и повалил её за каменный водосборник. Что-то тяжёлое пролетело над ними, разбилось о стену, и повалился навес. Лошадь во дворе рванула постромки. Где-то трещал горящий канат.

Мира попыталась встать, но ладонь скользнула по мокрому камню. Она не могла сразу сообразить, откуда падают обломки. В воздухе сыпалась мелкая серая пыль; под ней таял от жара ледяной налёт на железной трубе.

— Вниз! — заорал Орт. — Все вниз от крыши!

Мира подняла голову.

Арк уже был наверху. Он вцепился когтями в обугленный край кровли, раздвигая балки, чтобы открыть людям выход. От напряжения у него дрожали крылья. Под одной лапой дерево треснуло, и длинные борозды остались на мокрой черепице.

— Брин! — кричал Арк. — Где Брин?

Из черноты раздался кашель.

Мира услышала, как люди ломятся в запертую изнутри перегородку между складом и комнатой выдачи. Эта дверь открывалась в коридор, где только что ждали переселенцы. Теперь её придавило упавшей поперечной балкой.

Мира побежала туда, прежде чем решила, что именно собирается делать. Жар обжёг лицо, и она отшатнулась. Не было смысла хвататься за дверь голыми руками: дерево уже вздулось от огня.

— Воду сюда! — кричал кто-то.

— Не стойте в проходе! — ответил другой.

У стены стояла тележка с мешками. Мира ухватилась за её ручку и потянула в сторону. Орт помог ей, ругаясь сквозь зубы. Они открыли узкую полосу вдоль стены; по ней можно было протащить пожарный рукав и вынести человека, если дверь поддастся.

— Не бегите туда! — рявкнул Орт, увидев, что она снова тянется к двери. — Ваши руки им ничего не дадут.

В этот раз он был прав.

С улицы ударил колокол пожарной команды. Вскоре послышались команды: двое с ломом, один к водоразбору, остальные освобождают двор. Пожарный с опалённой бородой приказал Мире и Орту отступить. Она хотела возразить, что знает устройство грузового перехода, но успела только показать на внутреннюю балку.

— Запор с этой стороны, — выговорила она. — Её придавило сверху. Если поднимать, удерживайте край, он рухнет.

Пожарный кивнул и больше на неё не смотрел.

Из коридора появился Лоран. Он нёс Тиля, прижав мальчика к груди так крепко, что тот почти исчез в складках пальто. Лицо у Лорана было серое, на виске текла кровь. Майла бежала следом, задыхаясь, и одной рукой пыталась придержать обгоревший рукав сына.

— Врач! — закричала она. — Нужен врач!

Лоран опустился на колено возле водосборника и осторожно передал ей мальчика.

— Он дышит. Обожжена рука, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Не снимайте ткань, если прилипла. Найдите чистую воду.

Тиль был в сознании. Он смотрел на мать с удивлением, словно не понимал, как его вдруг вынесли из комнаты с хлебом.

— Мам, — произнёс он. — Бумага.

— Какая бумага?

— Папина.

Майла оглянулась на горящую дверь. Пакета у неё уже не было.

Мира вспомнила расписку, которая осталась в открытой папке у стола. Она бросилась к пролому, но едва успела сделать два шага, как над входом осыпались кирпичи.

— Назад! — крикнул Лоран.

Его рука больно сжала ей предплечье. Мира упала на одно колено, и обломок карниза ударил туда, где она стояла секунду назад.

— Там заявление Нара, — сказала она.

— Там сейчас люди, — ответил Лоран. — Если можно достать бумагу, достанут после них.

Он не отпускал её, пока не увидел, что она поняла.

Пожарные взломали перегородку. Сначала вывели женщину, прижимавшую к лицу фартук. За ней выбрался грузчик без сапога. Третьего вынесли на снятой двери: он бился в кашле и пытался сказать, что внутри ещё кто-то остался.

Арк сверху вцепился в край крыши и рванул с таким усилием, что несколько человек внизу невольно присели. Открылась широкая полоса между балками, и дым пошёл вверх. Через неё показались две фигуры: человек в коричневой жилетке карабкался за драконом Брином к свету.

— Сначала его! — крикнул Брин.

Арк вытянул переднюю лапу, помог человеку перехватить выступ. Снизу пожарные подставили лестницу. Брин наклонил голову к внутренней балке, будто прислушиваясь, затем резко исчез в дыму.

— Брин! — Арк потянулся следом, но балка, на которой он стоял, опасно просела.

Внизу затрещала перегородка. Пожарный приказал отвести людей от стены. Арк замер; секунду спустя часть кровли провалилась внутрь вместе с тем местом, где исчез Брин.

Мира увидела, как молодой дракон пытается снова вцепиться в обугленные брёвна. Ему мешали дым и соскальзывающая черепица. Двое пожарных кричали, чтобы он отлетал, пока не обрушился весь пролёт.

Он не слушал. Только когда из глубины ударил второй глухой толчок, Арк сорвался с края и тяжело опустился на мостовую. Его крылья едва поместились между стенами. Он повернул голову к огню, словно ждал, что Брин выйдет сам.

Тиль заплакал — тихо, с пугающей взрослой осторожностью, стараясь не двигать повреждённой рукой. Майла обнимала его здоровое плечо. Лоран накрыл их своим пальто и встал перед ними, заслоняя от летящих искр.

На улицу набежали люди. Кто-то помогал нести воду, кто-то искал родственников, кто-то стоял с открытым ртом. Через несколько минут голос из толпы перекрыл пожарный колокол:

— Дракон был на крыше! Я видел, как он рвал кровлю!

— Он пытался открыть выход! — крикнула женщина в мокром платке.

— А кто поджёг? До него здесь огня не было!

Мира обернулась. Произнёс это человек, появившийся уже после взрыва. Он стоял у дальнего угла, откуда не было видно внутреннего проёма. Но вокруг него быстро собрались слушатели.

— Уведите его! — сказал кто-то, показывая на Арка.

Молодой дракон поднял голову. На его когтях были щепки и кровь; одно крыло дёргалось от боли. У него оставалось достаточно силы, чтобы разогнать людей одним движением. Мира увидела, как он сжал челюсти и отступил от мальчика, которому секунду назад помогал открыть дорогу к врачу.

— Я был снаружи, — сказал Арк.

Голос его оказался хриплым и очень молодым.

— Ты сам говорил, что сломаешь ворота! — выкрикнули из толпы.

— Военные ворота, если там прячут заряды!

Кто-то поднял камень. Лоран резко шагнул между человеком и драконом.

— Положите, — сказал он.

— Он же...

— Сейчас у нас горит склад, там люди, а вы решили выяснять вину камнем? Если хотите помочь — несите воду. Если нет, освободите пожарным дорогу.

Камень упал на мостовую. Люди разошлись не сразу, однако проход к насосу наконец открылся.

Мира увидела в лице Лорана усталость, на которую он не рассчитывал, выходя сегодня раздавать хлеб. На его запястье проступал ожог. Он обернулся к ней.

— Вы инженер. Скажите, можно ли удержать наружную стену?

— Я не строитель-пожарный. Пускай решают те, кто её сейчас видит. Но нижний проход надо закрыть, там повреждённая опора.

Лоран без спора передал её слова пожарному начальнику. Тот отправил двух людей за оградительными стойками.

Впервые с начала пожара Мира смогла дышать не рывками. Она оглянулась на бывшую мельницу. Наружная стена стояла, словно склад ещё можно было вернуть одним большим ремонтом. За стеной лежали раздавленные столы, бочки и доски, а там, где она разговаривала с Майлой, блестела от воды полоска пола.

— Госпожа Таль! — позвала та.

Майла держала в здоровой руке сына обрывок бумаги. Бумага обгорела по одному краю.

— Он нашёл это в своём рукаве, когда его выносили.

Это был лист из заявления о компенсации. Верхнюю половину с датой и номером дела съел огонь, но внизу остались несколько слов о погибшем обознике и подпись Майлы. Мира взяла лист только после того, как женщина сама протянула его.

— Этого хватит? — спросила Майла.

Мира посмотрела на чернильные строки.

— Пока не знаю. Но имя осталось. И подпись Эллис у вас дома или здесь, в пакете?

Майла прижала губы.

— Пакет сгорел.

Тиль замотал головой.

— Не весь. Я видел, он упал под стол. Может, там...

— Ты больше никуда не пойдёшь, — сказала мать.

Мира сложила обрывок между двумя чистыми листами и убрала в сумку.

— Я запишу, кто передал мне этот лист. А вы идите с Тилем к врачу. Если документы найдут при разборе, вас должны известить.

— Вы сами известите?

— Да.

Она говорила с женщиной, а видела за её плечом внутренний проём, который вспыхнул раньше, чем Арк оказался на крыше. В памяти этот порядок был таким отчётливым, что Мира испугалась собственной уверенности. Она стояла под углом, могла упустить первую вспышку; её показание ещё надо было отделить от того, что она додумала позже.

Старший пожарный подошёл, не снимая закопчённых рукавиц.

— Кто видел первое пламя?

— Я, — сказала Мира. — Из нижнего двора. Свет пошёл изнутри склада, за ящиками. Арк тогда разгружал зерно снаружи.

— Запишите, где стояли и что именно видели. Ни слова о виновнике. И никому не позволяйте вытаскивать остатки через боковую дверь без нашей отметки.

Мира повернулась к двери, у которой утром Орт распоряжался пустыми ящиками. Проход был закрыт обломками. На мостовой перед ним валялись медные скобы и куски досок. Кто-то из людей «Общего двора» уже натягивал брезент над целой тележкой с грузом.

— Это нужно для дальнейшего разбора, — сказала она пожарному, указывая туда.

Он кивнул помощнику. Тот побежал ставить стражу.

Врач увёл Майлу с сыном. Лоран остался у насосов — помогал организовать горячую воду для пострадавших, велел открыть второй склад с одеялами и собственноручно записал первые фамилии тех, кому негде ночевать. Одному из спасателей стало плохо; Лоран подхватил его под плечо, не глядя, кто наблюдает.

Мира встретилась с ним глазами через улицу. Хотела поблагодарить за Тиля, но он уже отвернулся к пожарным.

Брина всё ещё не нашли. Позднее, когда кровля перестала падать, из-под обломков стали выносить погибших. Сначала одного человека, потом второго. Начальник пожарной команды приказал не объявлять число, пока не осмотрят нижние помещения. Список живых лежал у него на коленях, и каждую новую фамилию он перечёркивал осторожно, словно боялся ошибиться рукой.

Арк стоял за временным ограждением. Он не пытался уйти. Его когти оставили на мостовой глубокие следы; рядом уже собирались люди, показывая друг другу борозды так, будто они отвечали на вопрос об огне.

Синяя полоса на внутренней стене темнела по мере остывания. Мира помнила похожий цвет на каменном щите площади общего неба и в отчётах о старых особых зарядах. Она долго смотрела, прежде чем открыть чистую страницу блокнота.

«Внутренняя вспышка до выхода Арка на кровлю», — записала она.

Ниже поставила вопросительный знак.

Продовольственный склад не должен был хранить особые военные заряды. И всё же кто-то принёс сюда огонь, который Мира уже однажды видела после гибели драконьих детей.

Она закрыла блокнот. За спиной мальчик Тиль снова звал мать; в толпе спорили о виновном; у пожарной помпы кто-то просил передать ещё ведро. Первый ответ, который требовался городу, был прост: кого похоронят. Второй оказался опаснее: что именно здесь сгорело вместе с людьми.

ГЛАВА 02 — Когти на крыше

Когда Кай добрался до склада, пожарные уже разнимали людей, которые ещё час назад носили воду в одной цепочке.

Один мужчина держал за ворот другого, с драконьей родовой повязкой на рукаве. Рядом стояла женщина с перевязанной головой и кричала, что её брат до сих пор под обломками. Никто не слушал её; все смотрели на молодого бронзового дракона за временным ограждением.

— Я видел следы! — надрывался мужчина. — Он продрал крышу!

— Чтобы оттуда вышли люди, — отвечал его противник.

— Ты сам там был?

— А ты?

Они отпустили друг друга, когда между ними протиснулся пожарный с мокрым рукавом. Пожарный не стал выяснять, кто прав; он выругался и заставил обоих нести бочки к западной стене.

Кай остановился возле ограждения и вытер лицо ладонью. Он ушёл с Тёплых террас сразу после первого колокола. Перед уходом оставил дежурной записку для Даны: «На складе пожар. Иду помогать, вернусь или пришлю известие до ужина». Слова казались смешными рядом с дымом над городом, но именно из-за таких записок дочь перестала ожидать худшее каждый раз, когда он исчезал из дома.

У ворот стоял знакомый старший пожарный, Стенн, с которым они когда-то вместе прокладывали воду к родильным лежанкам.

— Кто отвечает за осмотр? — спросил Кай.

— Я — пока стены не перестанут падать. Дальше будет городская комиссия. Если вы пришли забрать дракона, не пытайтесь.

— Я пришёл узнать, где наши люди. И драконы.

Стенн посмотрел на обугленное крыло Арка.

— Брин был внутри. Мы нашли его под дальней балкой. Врач уже посмотрел. Помощь не нужна.

Кай перевёл взгляд на пролом. Там, где ещё утром был мосток для зерна, торчала одна чёрная стойка. Из-под брезента на камнях выступал кончик тёмно-красного крыла, покрытый пылью.

Брин возил тяжёлые корзины на Тёплые террасы. Несколько недель назад он принёс гнезду Велы мешок сухого мха и целый час спорил с Серой о том, что хорошая подстилка должна пахнуть лесом, а не лекарским шкафом. Его смех Кай узнал бы издалека. Теперь к нему нельзя было подойти без разрешения пожарного начальника.

— Кто известит родных? — спросил Кай.

— Я отправил человека к родовому посту. Но если у вас есть более быстрый путь, скажите.

— Я передам Аранте. Пусть они сами решат, кто придёт.

Стенн кивнул.

— Только не пусть тут начинается родовой суд. У меня четыре человека погибли, ещё неизвестно, все ли опознаны. Будут смотреть вместе.

Кай заглянул в список на планшете пожарного. Четыре человеческих имени были вписаны разными почерками — по мере того, как находили тела и проверяли работников смены. Возле имени Брина стояла родовая отметка, которую Стенн тщательно переписал с грузовой ведомости. У Кая не было слов, которыми можно было бы облегчить эту работу.

— Дайте снять копию списка для родовых связистов.

— С фамилиями только после подтверждения семей. Пока передайте число и имя Брина. Остальным ещё сообщают.

Возле ограждения громко стукнули по железной стойке.

— Он останется тут? — спросил человек в городской форме, указывая на Арка. — Или родственники заберут его, пока мы не успели задать вопросы?

— Я сам отвечу, — произнёс Арк.

Кай подошёл ближе. На бронзовой чешуе у левого глаза дракона виднелась длинная тёмная царапина. Его заплатанное крыло опустилось ниже другого. Кай знал, что молодой дракон умел показывать боль громкостью голоса; сегодня он говорил тихо.

— Ты можешь рассказать, что случилось? — спросил Кай.

— Везли зерно. Брин принимал мешки. Внутри стало светло, будто они зажгли целую печь сразу. Я услышал крик. Крыша начала садиться. Я полез сверху.

— Ты видел, откуда начался огонь?

— Нет. Был снаружи. Мешки закрывали внутренний проход.

— А когда поднялся?

— Когда посыпалась черепица.

Он показал на свои когти. Между двумя застряла щепка.

— Вот их доказательство. Я держал крышу, чтобы люди вышли.

Кай не торопился отвечать. Он обошёл металлическую стойку и посмотрел на следы в черепице, которую пожарные уложили на отдельный брезент. Арк действительно прорезал её до деревянной подкладки. На обломках было достаточно крови, чтобы любой городской газетчик завтра получил страшное описание.

— Вчера ты ходил к военной конторе, — сказал Кай.

— Ходил.

— И обещал сломать ворота.

— Если снова увижу за ними оружие из детей. Сказал прямо при их страже. Скажу ещё раз.

— Зачем пришёл?

Арк вздёрнул голову. Потом опустил.

— Мне показали телегу под покрывалом. Сказали, что там старое железо, которое отправят на проверку. А вокруг стояли военные, и никто не хотел сказать, кому оно принадлежит. Я разозлился.

— Телегу ты проверил?

— Меня к ней не пустили.

— Значит, о том, что в ней было, ты не знаешь.

— Не знаю. Но я знаю, что сделали с детьми.

Кай посмотрел на него. Знал и он. Семнадцать лежали сейчас на тёплых террасах и в родовых помещениях западных долин; семь имён были выписаны в тетради его дочери. Эти числа не позволяли превращать каждую закрытую телегу в улику, а каждого разгневанного дракона — в поджигателя.

— Рассказывай только о том, что видел, — сказал Кай. — Не украшай собственную угрозу. Она и без того достаточно плоха.

— Ты тоже считаешь, что это я?

— Я считаю, что ты должен дать показания. И что сегодня ночью тебя могут попытаться убить, если кто-нибудь решит, будто улики ему уже не нужны.

Арк обернулся к улице. За ограждением стояли люди, которые посматривали в его сторону с неприязнью, и другие — с тревожным ожиданием. В обоих взглядах он был прежде всего драконом.

Кай попросил у Стенна разрешения отправить сообщение на родовой пост. Пожарный уступил ему свой стол, но предупредил, что местная стража уже требует ограничить перемещение Арка до первых показаний. Кай написал коротко: «Пожар на складе общего рынка. Погиб Брин. Арк был на месте, участвовал в спасении, происхождение огня устанавливается. Нужен уполномоченный свидетель от родов».

Аранта явилась не сразу. Посыльный вернулся со словом, что она находится у медицинских лежанок и уже получила известие о Брине от родственников. Прилетит, когда передаст работу другим взрослым. Кай даже испытал облегчение: четыре месяца назад в таком сообщении все услышали бы приказ немедленно бросить любое дело ради человеческой тревоги. Теперь Аранта сама решала, кому и в какой последовательности помочь.

Первым прилетел Фарн.

Его тёмно-медные крылья заслонили часть площади перед сгоревшим складом. Он сел на свободный грузовой уступ, не задевая толпу, но люди всё равно отступили. Повреждённая чешуя на боку старшего дракона блеснула в грязном свете послеполуденного солнца.

— Кто держит Арка? — спросил он.

— Городская стража, до начала разбирательства, — ответил Стенн, подходя навстречу. — Мы не объявляли его виновным.

— На него уже показывают пальцами. Этого достаточно, чтобы человек с камнем счёл себя судьёй.

— И мне приходится охранять его от камня, а не только допрашивать, — устало ответил пожарный. — Если у вас есть представитель, пусть присутствует при записи.

Фарн посмотрел на Кая.

— Ты принимаешь эти условия?

— Я не судья. Но при таком количестве людей нам нужно место, где Арк сможет говорить без угроз.

— Он говорил здесь.

— И его перебивали.

Старший дракон с силой выдохнул тёплый воздух. Несколько человек за ограждением инстинктивно пригнулись. Фарн заметил это и закрыл пасть.

— В совете предложили увезти молодых из города, — произнёс он тише. — Здесь им больше не верят.

— Кто предложил?

— Некоторые из моих. Ты потребуешь фамилии?

— Если будете говорить за весь род — да.

Фарн склонил голову ближе.

— Ты научился задавать вопросы, хранитель. Хорошо бы твои люди научились отвечать, прежде чем снова сжечь нас.

Кай не стал спорить о том, чьи именно люди стояли за первым преступлением. Под брезентом за его спиной лежал Брин. Дальше спорить можно было только после того, как его родные увидят тело.

Аранта опустилась на соседний уступ, когда свет стал мягче. Серебряная чешуя на шее потемнела от дождевой сырости. Она не произнесла речи и не подошла к Арку первым делом; попросила Стенна показать место, где нашли Брина, и спросила, уведомили ли его родных.

— Уведомили, — ответил Стенн. — Ближайшие уже едут.

— Я останусь до их приезда. После поговорю с Арком.

— Фарн требует вывести его отсюда, — сказал Кай.

— Фарн вправе требовать. Но Арк спасал людей на этой крыше. Пускай сначала покажет, как.

Она повернулась к молодому дракону.

— Твои когти видны на черепице. Ты можешь сказать, какую балку держал?

Арк показал. Фарн хотел что-то добавить, но Аранта подняла кончик крыла.

— Сейчас говорит он.

Арк подробно объяснил, где стоял, кого видел и почему сорвался с крыши после второго удара. На словах о Брине голос его дрогнул.

— Он велел вытаскивать человека первым.

— И ты видел, как он остался внутри? — спросила Аранта.

— Да.

Она молчала достаточно долго, чтобы Стенн успел поставить в протоколе дату и имя записавшего.

— Пусть это тоже услышит его семья, — сказала Аранта.

Кай следил за людьми за ограждением. Некоторых слова Арка заставили опустить глаза. Другие не изменили выражения лиц. Среди них была женщина в чёрном платке, которая держала в руке пустую корзину и неотрывно смотрела на обгоревший склад. Кай подошёл спросить, кого она ищет. Оказалось, её брат значился в списке погибших, и она хотела забрать его рабочую куртку. Стенн обещал передать вещи после опознания.

— А тот дракон, — спросила женщина, заметив Арка. — Его накажут, если он виноват?

— Если будет доказано, что он виноват, дело рассмотрят по закону.

— А если он спасал?

— Тогда должны записать и это.

Женщина посмотрела на список в руках Кая, потом протянула ему корзину.

— Возьмите. Мне сейчас трудно держать.

Он принял её, неловко, обеими руками. Корзина оказалась почти невесомой. Ещё утром в неё собирались положить хлеб для семьи.

У сторожевой части тем временем решали, как обеспечить Арку безопасное временное пребывание. Фарн настаивал, чтобы его не держали в человеческом запертом дворе. Городская стража отказывалась позволить ему улететь без свидетеля; однажды уже были случаи, когда обвиняемый исчезал, а вину потом приписывали всему роду.

Аранта предложила использовать открытый верхний уступ возле старого сторожевого дома, где могли присутствовать представители обеих сторон. Двери у подножия контролировала городская стража, а путь сверху оставался видимым для родового наблюдателя. Речь шла о времени до первичного опроса, не о наказании.

— Если Арку понадобится врач, его допустят? — спросила она.

— Допустят, — ответил Стенн.

— И он сможет обратиться к защитнику?

— Это должна разрешить комиссия.

— Тогда запишите моё требование.

Фарн посмотрел на неё с раздражением.

— Ты опять торгуешься за право говорить в чужом дворе.

— Я требую, чтобы наш молодой остался жив и мог ответить. Если ты знаешь более быстрый способ, который не погубит его до завтрашнего дня, назови.

Фарн не ответил. Он поднялся на уступ и долго стоял рядом с Арком, не касаясь его. На площади уже начали зажигать фонари.

Каю понадобилось ещё два часа, чтобы помочь с передачей известий о погибших. Брин был взрослым, его родные не имели отношения к похищенным яйцам, но Кай заметил, как быстро люди внизу стали называть его «пятым пострадавшим», словно имя мешало складывать числа. Он попросил записать Брина отдельно, с родовой отметкой, рядом с именами четырёх погибших людей.

К вечеру площадь перед складом опустела настолько, что слышно стало, как где-то капает вода с разбитой трубы. Арк сидел на своём уступе. Под крылом у него белела новая перевязка. Когда Кай прошёл мимо, дракон не поднял головы.

— Я не успел его вытащить, — сказал он.

Кай остановился.

— Я видел крышу.

— Если бы я вошёл раньше...

— Ты был снаружи, на зерне. Ты не знал, что там загорится.

— Не говори мне этого, — резко сказал Арк. — Я знаю, где был.

Кай принял удар без ответа. Он вспомнил, как сам много лет возвращался к обвалу, на котором погибла Эйра, и снова отсчитывал минуты. Сказанные вовремя слова не возвращали погибших; сказанные невовремя делали живого одиноким.

— Родные Брина придут утром, — сказал он. — Аранта обещала остаться. Если ты захочешь говорить с ними, попроси её.

Арк прикрыл глаза.

— Они захотят говорить со мной?

— Это решат они.

Кай пошёл домой пешком. По дороге ему попадались раскрытые окна, из которых высовывались люди с тревожными вопросами. Возле пекарни два грузчика спорили, можно ли завтра принимать драконью помощь. Один сказал, что без крылатых носильщиков город останется без муки. Второй ответил, что лучше подождёт день, чем снова увидит синий пожар. Оба стояли у одной двери и держали по мешку на плече.

У дома уже горел свет. Дана сидела у стола с тетрадью, но перед ней лежали не рисунки спасённых яиц, а школьный лист с перечнем занятий. Рядом стоял остывший ужин.

— Ты пришёл, — сказала она.

— Я обещал прислать известие до ужина.

— Прислал. Посыльный сказал, что ты цел.

Кай снял куртку. Запах дыма вошёл в дом вместе с ним, и Дана поморщилась.

— Там правда погиб дракон?

— Брин. Он помогал на складах и привозил подстилку на террасы.

Она знала его. Несколько раз видела, как он поддразнивал молодых служителей за беспорядок.

Дана опустила глаза.

— В школе уже сказали, что это Арк поджёг.

— Следствие ещё даже не установило начало огня.

— Тогда почему они знают?

— Кто-то увидел его на крыше. Кто-то услышал о вчерашней ссоре. Всё это повторяют вместе.

— А если он действительно виноват?

Кай не стал отвечать сразу.

— Его поступки должны проверить. Но за драконьи крылья судить нельзя. Как и оправдывать за них.

Она подвинула к нему школьный лист.

— Завтра хотят собирать имена драконов из нашего класса. Для безопасности.

Кай прочёл написанное внизу чужой рукой: «Предварительный список посещающих общие занятия». Там не было печати школы или подписи директора. Лист передали детям через старшего ученика.

— Кто это придумал?

— Не знаю. Приходили двое взрослых к воротам. Просили записать, кто с кем сидит.

Он почувствовал привычное желание немедленно идти к школе и требовать ответа. Дана заметила, как он сжал бумагу.

— Только не делай из меня пример, — сказала она. — Не надо завтра рассказывать всем, какая у тебя смелая дочь.

Кай положил лист на стол, разгладил загнутый край.

— Чего ты хочешь?

— Чтобы их не пускали к нам домой. И чтобы Оле не пришлось прятаться после уроков только потому, что она разговаривает с драконьими ребятами.

— Я поговорю с директором. Не от твоего имени, если ты не хочешь.

— Вот именно.

Она встала и поставила ужин перед ним, не спрашивая, голоден ли он.

— Мира приходила, пока тебя не было. Сказала, что на складе всё хуже, чем передали с площади.

— Она в порядке?

— У неё рукав прожжён. Сама говорит, что это ничего. Я велела ей показать руку врачу.

Кай невольно улыбнулся.

— И она послушалась?

— Сказала, что подумает. Это у вас, взрослых, называется «не послушалась».

На пороге раздался тихий стук. Мира стояла с перевязанной ладонью и чистой папкой под мышкой. Дана первой открыла дверь.

— Я же сказала врачу, — объявила она отцу, показывая на повязку. — Видишь, умею командовать.

— Умеешь, — сказал Кай.

Мира вошла не сразу. Посмотрела на куртку Кая и на оставленную для него тарелку, потом спросила, можно ли присесть.

— Я пришла не за ужином, — сказала она. — Но если остался картофель, пожалуй, возьму.

Дана ушла за дополнительной тарелкой. Кай помог Мире снять папку с плеча.

— Ты была там, когда началось?

— Да. Огонь появился внутри. Арк тогда был снаружи, у зерна.

— Ты уверена?

— В том, что видела свет до того, как он поднялся на крышу, — уверена. Но у меня был ограниченный обзор. Завтра это надо сопоставить с показаниями тех, кто стоял внутри.

Она раскрыла папку. Между двумя листами лежал обгоревший край заявления Майлы Нар.

— Это заявление вдовы Нара. Его семья получила вещи, но не получила выплату. Сегодня Лоран Дальк спас её мальчика. И обещал найти им комнату.

— Ты ему веришь?

— Я видела, как он вынес ребёнка. Это произошло. Что будет с комнатой — узнаем.

Кай осторожно коснулся здоровой руки Миры. Она посмотрела на него, потом на дверь кухни, где Дана звенела посудой. Никто не отнял ладони.

— Мне страшно, — сказала Мира совсем тихо. — За тех, кто завтра останется без хлеба, если склад закроют. И за тех, кто согласится на что угодно ради нового.

— Мы можем помочь Майле с заявлением.

— С заявлением — да. А с крышей и ужином?

Дана вернулась с тарелкой.

— У нас есть картофель, — сказала она. — Только для целого города не хватит.

Они засмеялись, и смех быстро стих. За стеной соседнего дома кто-то повторял громким голосом свежую новость. Печатник уже разносил вечерний листок, ещё пахнувший краской.

Дана подобрала экземпляр с порога. На первой странице крупными буквами было написано: «ОЧЕВИДЕЦ ВИДЕЛ ДРАКОНА НАД ОГНЁМ». Под заголовком шёл рисунок крыши с когтевыми отметинами. Изображение было узнаваемым, хотя человек, рисовавший его, никогда не стоял на том внутреннем дворе.

Кай прочёл подпись под рисунком.

— Там нет ни слова, что он пытался вытаскивать людей.

— Тогда это надо сказать завтра, — ответила Мира.

Дана повернула листок обратно к себе.

— А кто скажет тем, кто уже успел поверить?

За окном прошёл молодой крылатый посыльный, держа в когтях корзину с хлебом. Он летел низко, к восточной улице, и на мгновение задержался у знакомого уступа, чтобы пропустить человеческую тележку. Кай смотрел вслед, пока корзина не скрылась за крышей.

— Начнём с тех, кто готов слушать, — сказал он.

ГЛАВА 03 — Показание, которого не было

Тесса Руэн не захотела заходить в кабинет комиссии.

Она стояла в коридоре с мокрыми волосами и держала под мышкой деревянный планшет, словно это могло уберечь её от вопросов. Мира заметила на её левом рукаве засохшую полоску копоти. В пожарной охране форму обычно отдавали в стирку после большого выезда. Значит, Тесса или не успела, или не хотела расставаться с тем днём.

— Вам сказали, что я жаловалась на ваше показание? — спросила Мира.

— Мне сказали, что вы хотите, чтобы я отказалась от подписи.

— Я хочу прочесть, что вы подписали.

— Тогда читайте у начальника. Он выдаёт копии.

— Именно от него я и пришла.

Мира показала разрешение гражданской комиссии на ознакомление с пожарными материалами, относящимися к устройству склада. Подпись второго проверяющего занимала почти половину нижнего поля. Тесса посмотрела на печать, потом на Миру.

— И вы имеете право спросить про дракона?

— Про последовательность разрушения крыши. Это было частью вашей работы.

Они вошли в маленькую комнату с двумя окнами. За одним виднелся двор, где из промокших пожарных рукавов вытекала вода; за другим — очередь за хлебом, которая не сократилась даже после катастрофы. Тесса положила планшет на край стола и раскрыла папку.

— Вот мой рапорт. Черновик я оставила себе.

В официальной копии стояло: «Свидетельница наблюдала бронзовые крылья над зданием и слышала разрушение кровельной конструкции». Ниже чужой рукой было приписано: «Дракон замечен перед основным обвалом».

— Это вы писали? — спросила Мира.

— Первую строку. Вторая появилась, когда начальник просил уточнить время.

— Вы согласились?

— Согласилась, что видела его до большого обвала. Но я не сказала, что он был там до огня.

Тесса вынула черновик. На нём красным карандашом были поставлены две вертикальные черты, рядом стояло «уточнить».

— Меня спросили, видела ли я дракона. Я сказала: да, когда уже ломилась крыша. А теперь в газете пишут, что я видела его у начала пожара. Может быть, у них есть другой свидетель. Но я такого не знаю.

— Кто составлял газетную заметку?

— Не я.

Мира отодвинула официальную копию и попросила девушку ещё раз рассказать весь путь от пожарного двора до склада. Тесса сперва отвечала одними числами: расстояние, два поворота, задержка у водопроводного колодца. Когда речь дошла до открытого двора, она вдруг остановилась.

— Там лежала маленькая деревянная ложка. Детская. Я её переступила. Потом всё время вспоминала, что не подняла.

Мира ничего не сказала.

— Я услышала треск, увидела крыло, а дальше он сорвал большой лист кровли. Через него вытаскивали человека. Могло пройти полминуты, могло больше. На пожаре часы идут иначе.

— Вы видели, чтобы Арк направлял огонь в здание?

— Нет.

— Вы видели самую первую вспышку?

— Нет. Мы ещё были у колодца.

— Тогда дайте мне исправленное показание именно с этими двумя ответами.

Тесса взяла ручку, но не написала ни слова.

— Если я это сделаю, скажут, что я защищаю драконов.

— А если не сделаете?

Тесса посмотрела в окно на очередь. У самого конца стояла женщина в чёрном платке с пустой корзиной. Вчера она искала брата.

— Скажут, что я видела, как он поджёг склад. Хотя я этого не видела.

Она села и начала писать.

К пожарному двору они пошли вместе с двумя мастерами — независимым каменщиком и плотником, которого вызвал Стенн. Мира имела право присутствовать при проверке несущих переходов, однако не могла распоряжаться обломками, собранными следствием. Каждую вещь, которую им показывали, пожарные сначала заносили в книгу.

Склад выглядел ниже, чем вчера. Когда с земли убрали основные обломки кровли, остались стены и торчащие края колонн. Воздух пах промокшей гарью. В углу, где находилась комната выдачи, стоял одинокий стул без сиденья. Его не тронули: под ним ещё продолжали искать личные вещи погибших.

— Покажите нижний брус, — попросил плотник.

Стенн велел двум пожарным приподнять брезент. Под ним лежала почерневшая балка с металлическим кольцом. Один её конец был выжжен глубже другого; дерево раскололось вдоль волокон.

— Если она упала с крыши, то как оказалась здесь? — спросила Мира.

— Она была частью внутренней перегородки, — ответил Стенн. — Мы сняли её с места, записали и перенесли, когда стену признали опасной.

Мастер провёл ножом по обугленному торцу.

— Не скажу по одному брусу, когда начался пожар. Но тут горело ещё до того, как балку сломало сверху. Видите древесину под кольцом? Жар шёл из помещения.

— И когти Арка? — спросила Тесса.

— На черепице снаружи, — ответил другой мастер. — Её крошило уже после того, как ослабла крыша. Без остальных показаний мы не установим, сколько прошло времени.

Мира раскрыла блокнот. Свой вчерашний вопросительный знак она не зачеркнула.

В соседнем проходе послышался спор. Мужчина в переднике торгового двора пытался вынести мешок, из которого торчали обгоревшие дощечки и скобы. Он говорил, что выполняет приказ расчистить путь для новой поставки. Гражданский охранник держал мешок за угол и не отпускал.

— Кто разрешил вывоз? — спросил Стенн.

— Хозяин велел убрать мусор.

— Какой хозяин?

— Со склада. Мне только сказали принести телегу.

— И кому её передать?

Мужчина замялся.

— Там у ворот человек ждёт. Я его не знаю.

Стенн распорядился опечатать мешок и записать имя грузчика. Вскрывать его тут же, для любопытства, не стали. Человек побледнел, спросил, посадят ли его в тюрьму, и получил сухой ответ: сначала у него примут показания.

Мира узнала среди обломков дощечку с синей фирменной краской «Общего двора». Такими маркировали десятки обычных поставок. Но рядом лежала часть толстой керамиче-

ской тары, слишком прочной для зерна и слишком узкой для масляного кувшина. Она не стала тянуться к ней.

— Это откуда? — спросила она Стенна.

— Из-под внутренней перегородки. Мастер хотел проверить. Вчера не было видно.

— Попросите записать место до перемещения.

— Уже записано.

Стенн показал ей строку. Мира перечитала её дважды и закрыла книгу. После первого похищения она слишком хорошо помнила, чем заканчивались рассказы о «потерянных» вещах, которые однажды переставали числиться у кого-либо.

К полудню их позвали на площадь. Перед новой столовой «Общего двора» собралось несколько десятков родственников погибших. Вчерашние временные столы заменили длинными скамьями, над которыми натянули полотнище от дождя. Лоран Дальк стоял возле котла и лично проверял, чтобы первую миску получила пожилая женщина, которой трудно было стоять.

— Мы не будем решать за следствие, — сказал он собравшимся. — Сегодня вы можете получить горячую еду, врачебную помощь и место для ночлега. У кого ещё нет документов, оставьте хотя бы имя. Потом разберёмся с бумагами.

— Вы говорили, что склад безопасный! — крикнул кто-то.

Лоран обернулся.

— Да. Я так считал. Люди, которых я нанял для проверки, обязаны ответить, как такое произошло. И я отвечу за свои решения тоже.

Ответ вызвал странную тишину. Мира ожидала оправданий, обвинений в адрес Арка, обещания скорого наказания. Вместо этого Лоран подозвал человека с толстым журналом и попросил вслух прочесть часы приёма врача. Люди стали подходить к столам.

Он заметил Миру у края площади.

— Госпожа Таль. Нужна ваша помощь с новым складом. Там снова узкий выход, и если мы откроем его без вашего совета, через день вы нас закроете.

— Вчерашний выход был узким не по моему прихотливому расчёту.

— Я знаю. И вчера мы потеряли его вместе с людьми. Не желаю повторять.

— Тогда допустите второго независимого приёмщика на срочную разгрузку.

Лоран слегка нахмурился.

— В нынешнем объёме это задержит выдачу. Приходите посмотреть проходы, вы получите всё, что входит в вашу компетенцию. Но частную разгрузку я пока не могу поставить в зависимость от ещё одной канцелярии.

— Независимый приёмщик — живой человек у дверей. Он заметит, если груз уедет не туда.

— А мой начальник склада разве мёртвый?

Она промолчала.

Лоран посмотрел на очередь. У одной из женщин на руках спал младенец. Младенец давно испачкал пелёнку, но мать никак не решалась отойти от места в ряду.

— Скажите, каким способом вы дадите ей ужин быстрее, — предложил Лоран. — Если ваш способ годится, я найму столько проверяющих, сколько понадобится. Только пусть они приезжают вместе с хлебом.

Мира не нашла ответа, который мог бы помочь этой женщине немедленно.

Вечером она передала комиссии исправленный рапорт Тессы, показания мастеров и запись о мешке, который пытались вынести с места пожара. Она не написала в заключении имени поджигателя. Пожарный начальник тоже пока его не знал.

Уходя, Мира увидела, что у двери комиссии уже стоит Тесса. Девушка держала газетный лист, где её вчерашние слова превратили в громкую строку об Арке.

— Вы сможете заставить их это исправить? — спросила Тесса.

— Я передам уточнение. И мы потребуем публикации полного показания.

— А если не напечатают?

Мира взяла у неё лист, сложила и положила рядом с копией исправленного текста.

— Тогда завтра будем знать, кто отказался.

Позднее Тесса вернулась на пожарный двор, где Стенн составлял расписание ночных дежурств. Он заметил исправленное показание в её руке и попросил показать. Девушка ожидала выговора, но начальник долго читал, затем задал всего один вопрос:

— Почему ты не сказала мне вчера, что газетчик переврал время?

— Я думала, что вы тоже решили, будто виноват Арк.

Стенн отложил бумагу и провёл ладонью по лицу, где остались следы копоти.

— Я решил, что он был на крыше. Это видел сам. А когда началось, не видел. Ты могла сказать мне и раньше.

— Я боялась.

— Бойся, — ответил он. — Только пусть страх не пишет за тебя протокол.

В дальней комнате лежали вещи погибших. На каждом свёртке стоял номер, имя появлялось только после опознания. Тесса помогла двум женщинам найти одежду их родственников; одна долго держала в руках обгоревший пояс и просила объяснить, почему на нём сохранилась пряжка, если весь склад выгорел. Тесса не знала ответа. Но она могла показать, где вещь нашли и кто записал её передачу.

Когда женщины ушли, девушка взяла чистый лист и составила отдельную памятку для пожарных: не смешивать услышанное от очевидцев с тем, что видел сам. Стенн прочёл, не похвалил и прикрепил к двери комнаты опросов. Следующим утром каждый новый свидетель увидит эту бумагу прежде, чем откроет рот.

Тесса пошла к пожарному двору. На её рукаве по-прежнему оставалась полоса копоти.

ГЛАВА 04 — На двадцать дней

Дана пришла из школы с листком, который держала за угол, словно боялась испачкать руки.

Кай увидел его, когда вернулся с Тёплых террас. На столе лежал школьный список, рядом — запечатанный конверт с уведомлением о завтрашнем родовом осмотре. Дана не стала спрашивать, как прошёл его день. Подвинула бумагу ему навстречу.

— Это опять принесли к воротам. Теперь говорят, что директор разрешил.

Кай расправил лист. Вчера там было только название «Предварительный список посещающих общие занятия». Сегодня появились графы: имя ребёнка, родовая принадлежность, маршрут домой, сопровождающий взрослый.

— Вы это заполняли?

— Нет. Ола хотела порвать, но я забрала. Нам сказали, что кто не заполнит, того могут не пустить на занятия.

— Кто сказал?

— Мужчина с повязкой на рукаве. И ещё женщина, которая собирает помощь после пожара. Они не учителя.

Кай почувствовал, как поднимается злость. Ему хотелось идти прямо к директору, в городскую стражу, к раде — по очереди или сразу. Он уже мысленно составлял речь о правах детей, когда заметил, что Дана смотрит на него не с надеждой, а с настороженностью.

— Чего ты от меня ждёшь? — спросил он.

— Я уже сказала. Чтобы чужих людей к нам не пускали. И чтобы в школе не было списка, по которому можно узнать, где живут драконьи ребята.

— Я могу поговорить с директором.

— Можешь. Но не тащи меня на собрание как свидетеля, пока не спросишь. Я хочу завтра идти на уроки, а не сидеть перед радой.

Кай сложил лист и убрал в карман.

— Сначала поговорю с директором. О твоём участии спрошу отдельно.

— Запиши, — сказала Дана.

— Что?

— То, что сейчас обещал. Ты иногда забываешь, когда все начинают кричать.

Он нашёл кусок бумаги и записал. Дана, прочитав, одобрительно кивнула, но тут же спросила, будет ли Мира на ужине.

— Она занята у пожарных. Может, зайдёт позже.

— У нас осталась одна порция супа. Если придёт, тебе придётся поделиться.

— Я как-нибудь переживу.

Дана спрятала улыбку и ушла за тетрадью. Кай долго смотрел на её школьный лист. Графу о маршруте домой печатали ровными буквами; именно такую таблицу когда-то назвали бы средством безопасности. Теперь она могла стать удобной подсказкой для тех, кто искал чужих детей.

Вечером в зале городской рады было душно. На скамьях сидели владельцы лавок, родственники погибших, обозники, чиновники, представители людских кварталов и несколько драконьих родовых наблюдателей. Аранта заняла открытое место у верхнего проёма, где её голос слышали без посредника. Фарн остался снаружи; его широкая спина временами заслоняла площадь от окон.

На стене висел план временного размещения тех, кто потерял кров после пожара. Красными чернилами отметили помещения, где уже ночевали люди. Их было больше, чем пригодных печей.

Председатель рады прочла список срочных расходов. Деньги на еду можно было выделить сразу; на ремонт обвалившегося склада потребовалась бы дополнительная проверка. Для переселенцев, живших в казарменных комнатах после утраты восточных земель, новые места могли найтись только за счёт частных домов и старых мастерских.

— Я предоставлю двести восемьдесят мест, — сказал Лоран Дальк. — С постелями, отоплением и врача для двух вечерних обходов. Ещё двенадцать фургонов с едой будут готовы завтра до рассвета.

В зале прошёл одобрительный шум. С задней скамьи женщина спросила, где можно записать детей. Лоран назвал адрес конторы и продолжил:

— Взамен мне нужно временно единое распределение гуманитарных мест в зданиях, принадлежащих человеческой раде. И право согласовывать срочные разгрузки без отдельного решения на каждый мешок. Срок — пока город не выйдет из аварийного положения.

— «Пока» — это сколько? — спросил Кай.

Лоран повернулся.

— Сколько потребуется. Вы видели очередь возле моего двора?

— Видел. И людей, которых ваши работники накормили. Поэтому спрашиваю не о том, нужно ли дать вам работать. Спрашиваю, кто и когда решит, что особый порядок закончился.

— Рада, конечно.

— По какому признаку? И как обжаловать отказ в жилье тем, кого вы не возьмёте?

Зал загудел. Кто-то крикнул, что хранителю драконьих гнёзд легко говорить о сроках, когда его собственная дочь спит дома. Кай обернулся. Человек не поднялся со скамьи, но был прав в одном: Дана сегодня действительно спала дома. Кай не стал требовать, чтобы его выслушали из уважения к прошлым заслугам.

— Я могу завтра помочь на разгрузке, — сказал он. — И не предлагаю оставить людей без ночлега. Но у тех, кому откажут, должно быть куда идти с жалобой.

Одна из женщин у стены подняла бумагу.

— Нам отказали вчера. Сказали, у мужа нет трудовой справки. У него её нет, потому что контора осталась за перевалом. Мне куда с этим идти?

Председатель попросила передать заявление секретарю. Лоран тут же предложил разобраться после заседания лично. Женщина опустила руку, не зная, благодарить ли его.

Аранта склонила голову к нижнему проёму.

— Нам нужно понимать, что вы собираетесь делать с общими проходами. Люди могут распоряжаться своими домами. Но драконий носильщик должен попасть к месту, где выгружают хлеб для его семьи. Закрыв человеческие ворота, вы закрываете и дорогу к нашим уступам.

— Мы не лишаем драконов права летать, — ответил один из чиновников.

— Я говорю о мешках, печах и лестницах, — сказала Аранта. — Летящий дракон не обязан переносить чужую крышу над головами людей, если вы не даёте ему места приземлиться.

Из зала поднялся пожилой торговец.

— Я вчера видел, как ваш молодой ломал кровлю у склада.

— Чтобы спасать людей, — ответил Стенн, сидевший возле двери. — Это внесено в протокол. Пока нет ни одного доказательства, что он принёс огонь.

Торговец сел, но спор не исчез. Фарн снаружи ударил хвостом о камень. Несколько оконных стёкол задрожало.

Мира сидела на боковой скамье с папкой, раскрытой на проекте временного распоряжения. Кай заметил, что она подчеркнула слово «единолично», но не попросила слова. Когда председатель всё же обратилась к ней, Мира сказала:

— В тексте нет процедуры приёмки срочного груза другим лицом. Если право закрывать проход передать одной фирме, гражданская комиссия не узнает о смене маршрута до жалобы пострадавшего.

— Вы предлагаете поставить ещё людей у каждой телеги? — спросил Лоран.

— На опасных переходах — да. Для остальных хватит открытой записи с доступом независимого приёмщика.

— Тогда выделите их сегодня. Я обеспечу им столы.

Мира посмотрела на председателя. Комиссия не имела свободных сотрудников на все частные склады, и она это знала. Здесь её план встречался с той же очередью, от которой в начале дня она отвела взгляд.

Председатель рады объявила перерыв. Кай подошёл к Мире у окна.

— Если они откажут Лорану, люди останутся на улице, — сказал он.

— Если отдадут всё, мы увидим новые стены после того, как их поставят.

— Можно установить срок.

— И право на жалобу. Настоящее, с человеком, который примет её за пределами фирмы.

Кай кивнул. На другой стороне зала Майла Нар держала Тиля за здоровую руку и разговаривала с помощницей Лорана. Ей обещали показать комнату до темноты. Мира видела, как женщина слушает адрес; она не имела права требовать от Майлы отказаться от такой возможности ради чужого юридического принципа.

Рада заседала ещё два часа. В окончательный текст внесли двадцать дней, считая со дня принятия включительно, и обязательное контрольное слушание. Независимые жалобы направлялись в гражданскую комиссию, которая обязалась отвечать на них в установленные сроки. Лоран получил временное право распоряжаться только гуманитарными местами и срочной разгрузкой в людских зданиях, перечисленных в приложении. Драконьи гнёзда, родовые уступы и общая родильня оставались за пределами этого решения.

Когда председатель объявила голосование закрытым, зал не зааплодировал. Люди поднялись с мест, стараясь успеть к раздаче ночных пропусков. Майла обняла Тиля и пошла к выходу. Ей уже выдали адрес комнаты на Тихой улице.

Лоран задержался возле карты проходов. Подозвал Орта Грея и негромко сказал, что завтра нужно подготовить отдельные разгрузочные ворота у северной стороны нового склада.

— Там сейчас общая площадка, — ответил Орт.

— Площадку оставьте. Поставьте перегородку и свой счётчик грузов. Люди должны проходить без давки.

— А драконьи носильщики?

— Их предупредят о другом времени разгрузки.

Кай услышал только последние слова. Он посмотрел на карту, где линия общих ворот ещё шла прямо к родовому уступу. В ближайшие двадцать дней этот проход должен был стать частью городской помощи. На площади возле рады Кай увидел Майлу и Тиля. Мальчик тянул мать за руку к новой выдаче одеял. Лорановы работники раздавали их в порядке записанных номеров. Майла дождалась своей очереди и получила два, хотя записана была только на одно. Служащая сказала, что второе положено из-за ожога ребёнка.

— Это хорошо, — признал Кай, когда они встретились.

— Хорошо, — согласилась Майла. — А теперь скажите, что мне делать, если через двадцать дней нас попросят уйти.

Он показал ей страницу с процедурой жалобы. Майла прочла и нахмурилась: там было указано время приёма, совпадавшее с назначенным врачом осмотром Тиля.

— Я не могу быть сразу в двух местах.

Кай вернулся в зал к секретарю и попросил добавить возможность письменного обращения и приёма доверенного представителя. Тот возразил, что постановление только что при-

няли. Кай предложил оформить не изменение решения, а расписание приёма жалоб в его исполнение. Секретарь согласился после короткого спора.

Когда Кай вышел, Майла ещё стояла возле стены, крепко прижимая одеяла.

— Теперь можно подать заявление через другого человека, — сообщил он. — Но нужен ваш собственный текст и подпись.

— Спасибо, — сказала она. — Может быть, вам стоит рассказывать людям меньше о том, как всё должно быть, и чаще спрашивать, когда они могут прийти.

Кай улыбнулся устало. Дана за похожие советы брала с него только обещание сварить ужин.

Кто на самом деле сможет им пользоваться, определится гораздо раньше.

ГЛАВА 05 — Синий пепел

Обугленную керамику положили на чистую холстину, и на столе мастерской сразу стало тесно.

Городской мастер Леш Варан убрал с края кружку с чаем, которую принёс ему ещё до рассвета ученик. Возле противоположного окна стояла Тесса Руэн. Она пришла с пожарным начальником и всё время поглядывала на улицу, откуда слышались голоса людей, обсуждавших задержанного Арка.

— Я не стану определять происхождение вещи по цвету золы, — сказал Леш. — Синее горение бывает у разных смесей. Это знает всякий, кто однажды топил кузницу неправильным углём.

Мира достала из папки план разрушенного склада.

— Я и не прошу. Скажите, для чего могла быть предназначена такая оболочка.

Мастер подцепил щипцами кусок керамики. На его поверхности сохранилась узкая фабричная борозда, а внутренний край был оплавлен гораздо сильнее внешнего.

— Не для хранения зерна. Толстая стенка, специальное внутреннее покрытие. Могло быть промышленное устройство. Могло быть военное. Видите, сколько у меня ответов?

— А если сравнить со старыми образцами?

— С теми, которые у вас действительно разрешат взять, — сказал Леш. — Не с картинками из газет.

Тесса выпрямилась.

— Ещё нашли обруч от закрытой тары. Он лежал под нижним настилом.

— Откуда известно, что он был там до пожара? — спросил мастер.

— Его извлекли при мне. Стенн записал место и двух свидетелей. Я принесла копию.

Мира взяла её без улыбки. Ей понравилось, что Тесса перестала ждать подсказки, как следует говорить.

Леш попросил оставить фрагменты на ночь в закрытом шкафу, где смогут снять размеры и осмотреть поверхность без постороннего вмешательства. Мира согласилась, хотя ей хотелось немедленно сравнить их с памятным синим следом на щите площади общего неба. Четыре месяца назад такой след привёл их к истории похищенных драконьих детей. Тогда можно было показать, кто погиб ради каждого заряда. Здесь улики пока не позволяли назвать даже склад, с которого пришла тара.

Когда в дверь постучали, Тесса вздрогнула. На пороге стоял Кай с доктором Серой Нив и двумя письменными свидетельствами.

— Арка осмотрели, — сказал он. — Родовой врач и городской фельдшер независимо записали ожоги. На передних лапах обугленные царапины от балок. На наружной стороне крыла сильнее, чем на внутренней.

Сера поставила на стол схему повреждений.

— Это совместимо с падением горячих обломков сверху и сбоку. По одним ожогам нельзя восстановить всю последовательность. Но версия, будто он стоял внутри склада и сам выжигал помещение, требует других объяснений.

— Он мог потом подняться на крышу, — сказал Леш.

— Мог, — согласилась Сера. — Именно поэтому вам нужны показания тех, кто видел начало.

Тесса осторожно положила рядом свой черновик. У Миры появилось три независимых источника: собственное наблюдение, показание пожарной помощницы и запись о характере травм. Ни один не давал ей права объявить Арка окончательно оправданным; вместе они уже требовали прекратить говорить о его виновности как об установленном факте.

К полудню в мастерскую прибыл родовой представитель Каменного круга. Он долго проверял подписи на схеме ожогов. Фарн остался снаружи. Через открытую створку окна было слышно, как он спорит со Стенном: один требовал немедленно отпустить дракона, другой просил закончить опрос.

— Они снова собираются решать за Арка, — заметил Леш.

— А вы собирались решать по керамике за всех, кто её когда-либо носил? — отозвалась Мира.

Мастер поднял ладони.

— Вот теперь узнаю вас, госпожа Таль.

Она поймала себя на резкости и попросила прощения. Дело с каждым часом становилось громче, а доказательства по-прежнему лежали молча.

В городскую палату независимого разбирательства Мира пришла после обеда. Лив Эстран, назначенная вести согласование между гражданскими и родовыми представителями, сидела за невысоким столом без возвышения. Рядом с ней работал писарь, который по привычке уже назвал происходящее «делом драконьего нападения». Лив заставила его зачеркнуть эту запись и написать «дело о пожаре склада помощи».

— Вы просите осмотреть частное помещение «Общего двора»? — спросила она у Миры.

— Пока нет. Я прошу сохранить предметы, найденные в общественной зоне пожара, и запросить старые разрешения на необычную тару. Следы ведут к оборудованию, которое не должно находиться возле хлеба.

— Чьё оборудование?

— Этого мы не установили.

— Тогда не просите меня подписать чужой обыск по одному сходству.

— Я и не прошу, — сказала Мира, но собственный голос показался ей слишком раздражённым.

Лив просмотрела приложения. В одном лежал оттиск старого заказа на поставку жаропрочной тары. В графе гражданского подрядчика стояло имя предприятия «Общий двор». Подпись была давней, заказ касался законной доставки котлов и промышленных ёмкостей, а его отдельные номера ещё предстояло найти. Лив не стала скрывать название.

— Это направление проверки, — сказала она. — Не доказательство поджога. Пошлите обычный запрос о поставке. Для ограничения частной собственности потребуется другое основание.

— А Арк?

— По нему у меня назначен совместный опрос. Если новая последовательность подтвердится, основания держать его под ограничением могут отпасть. Но я не стану объявлять сегодня, что уже установлено завтра.

Мира подписала перечень переданных копий. На выходе её догнал Кай.

— Что получили?

— Право сохранять улики. И старый заказ на тару, где есть «Общий двор».

— Значит, Лоран?

— Значит, его фирма когда-то продавала законное оборудование военным и гражданским. Мы ещё не знаем, совпадает ли оно с этим фрагментом.

Кай посмотрел на её усталое лицо, потом протянул маленький бумажный свёрток.

— Дана велела отдать. Там хлеб и сыр. Сказала, что ты снова забудешь поесть.

Мира взяла свёрток. На нём неровным карандашом было написано: «Не обсуждать улики за едой. Хотя бы десять минут».

Она впервые за день рассмеялась.

— Наверное, это самое законное распоряжение, которое я сегодня получила.

За окнами палаты начинался вечер. На площади стояли две очереди: одна за супом, другая — к городскому объявлению о расследовании. В первой очередь двигалась быстрее. Во второй спорили, кого выпустят из-под охраны и почему. Мира убрала бумажный свёрток в сумку и пошла к первой, чтобы найти место, где можно сесть.

На следующий день Леш Варан задержал Миру у выхода из лаборатории и попросил вернуться к столу. Он вынул из ящика маленькую железную бирку, найденную вместе с керамикой. На ней сохранилась только часть маркировки.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели не на цифры, — сказал мастер, — а на дырочки от крепления. Такую бирку прикрепляют к внешней таре, чтобы её не перепутали при перевозке. Она могла находиться рядом с опасным предметом, но могла и просто сопровождать котёл. Самих зарядов это пока не доказывает.

Мира приложила рисунок бирки к старой гражданской накладной. Совпадало лишь расстояние между отверстиями. Она убрала лист.

— Значит, это ещё не ответ.

— Это способ получить ответ, если найдём подлинный образец. Иначе в суде нас спросят, почему мы приняли похожую железку за доказательство.

Вечером она зашла в мастерскую Даны. Девочка помогала учительнице размечать школьные полки, на которых будут храниться общие книги людей и драконьих учеников. Там тоже стояли аккуратные бирки. Дана спросила, почему Мира весь день смотрит на железный кусочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.